

DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.207-213

А. Ю. Чекотков*

Формальный и материальный подходы к регулированию процессуального статуса участников уголовного судопроизводства: необходимость установления баланса

Аннотация. Важнейшей задачей уголовного судопроизводства является обеспечение надлежащего соблюдения прав и свобод всех лиц, участвующих в процессе расследования и судебного рассмотрения уголовного дела. На пути ее решения предельно четко прослеживается стремление детально формализовать исчерпывающий перечень прав и обязанностей для каждого субъекта процессуальной деятельности. Однако также очевидно и то, что на нормативном уровне невозможно предусмотреть все многообразие случаев, с которыми может столкнуться тот или иной участник в реальной действительности. В связи с этим при оценке процессуального статуса конкретного лица необходимо учитывать не только посвященные ему нормы закона, но и его сущностное (материальное) положение, которое он занимает при производстве по уголовному делу. Таким образом, при наличии двух способов регулирования необходимо обеспечить их оптимальное соотношение. Именно такой вариант может позволить наиболее полно учесть как позитивные, так и негативные аспекты указанных направлений и надлежащим образом гарантировать соблюдение прав и свобод лиц, участвующих в процессе.

Ключевые слова: участник уголовного судопроизводства; процессуальный статус; автономизация процессуального статуса; процессуальные права и обязанности; субъект уголовно-процессуальной деятельности; формальный подход; материальный подход; инструменты правового регулирования; формализация прав и обязанностей участников; гарантии прав и свобод личности.

Для цитирования: Чекотков А. Ю. Формальный и материальный подходы к регулированию процессуального статуса участников уголовного судопроизводства: необходимость установления баланса // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 11. — С. 207–213. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.207-213.

© Чекотков А. Ю., 2020

* Чекотков Артем Юрьевич, ассистент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й уч. корп.), г. Москва, Россия, 119991
chekotkov@gmail.com

Formal and Material Approaches to the Procedural Status of Participants in Criminal Proceedings Regulation: The Need to Establish a Balance

Artem Yu. Chekotkov, Assistant Professor of the Department of Criminal Procedure, Justice and Prosecutor's Supervision, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, d. 1, str. 13 (4th uchebnyy korpus), Moscow, Russia, 119991
chekotkov@gmail.com

Abstract. The most important task of criminal proceedings is to ensure a proper observance of the rights and freedoms of all persons involved in the process of investigation and judicial consideration of a criminal case. On the way to its solution, the desire to formalize in detail an exhaustive list of rights and obligations for each subject of procedural activity is extremely clearly traced. However, it is also obvious that at the regulatory level it is impossible to foresee all the variety of cases that one or another participant may face in reality. In this regard, when assessing the procedural status of a particular person, it is necessary to take into account not only the relevant norms of the law, but also his essential (material) position, which he occupies in the criminal proceedings. Thus, in the presence of two control methods, it is necessary to ensure their optimal ratio. It is this option that can make it possible to take into account both the positive and negative aspects of these areas and properly guarantee the observance of the rights and freedoms of persons participating in the process.

Keywords: participant in criminal proceedings; procedural status; autonomization of procedural status; procedural rights and obligations; subject of criminal procedural activity; formal approach; material approach; instruments of legal regulation; formalization of the rights and obligations of the participants; guarantees of individual rights and freedoms.

Cite as: Chekotkov AYU. Formalnyy i materialnyy podkhody k regulirovaniyu protsessualnogo statusa uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva: neobkhodimost ustanovleniya balansa [Formal and Material Approaches to the Procedural Status of Participants in Criminal Proceedings Regulation: The Need to Establish a Balance]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(11):207-213. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.207-213. (In Russ., abstract in Eng.).

Одним из значимых достижений советской доктрины уголовного судопроизводства по праву считается детальная разработка учения об участниках. В академических кругах того времени обсуждались как вопросы общего характера, например о соотношении элементов правового статуса, так и проблемы, связанные с конкретными лицами или органами¹. Особое внимание при этом уделялось осмыслению таких базовых понятий, как «участник уголовного судопроизводства», «субъект уголовно-процессуальной деятельности», «субъект процес-

суальных отношений»². На настоящий момент споры по поводу сущности данных правовых категорий утихли, между ними можно поставить знак равенства и констатировать, что *участником процесса признается любой субъект, у которого возникают права и (или) обязанности при производстве по уголовному делу*³.

Вместе с тем устоявшаяся трактовка термина, безусловно, не может свидетельствовать об идентичности процессуального положения, которое занимают отдельные лица, задействованные в процессе⁴. С учетом имеющихся объ-

¹ См.: Алексеев Н. С., Давев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 105–140.

² Кокорев Л. Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж, 1971. С. 5–15.

³ См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2016. С. 311.

⁴ Во вступительной части настоящей статьи необходимо оговорить терминологический аспект. Проблематика, которая будет рассмотрена в рамках дальнейшего изложения, относится только к частным лицам, попавшим в орбиту уголовного судопроизводства. В связи с этим мы намеренно ограничим такие

ективных различий закон в данном случае также вариативен и исходит из двух способов закрепления прав и обязанностей. Первый можно определить как *формальный*, предполагающий создание автономного процессуального статуса. Особенность второго способа заключается в том, что он, напротив, не предусматривает обособление норм, устанавливающих статус отдельного участника, и либо регламентирует правовое положение частных лиц применительно к реализации того или иного уголовно-процессуального института (например, залогодатель при избрании залога в качестве меры пресечения), либо связывает наличие прав и обязанностей с оценкой фактической ситуации, сложившейся по уголовному делу. В данном контексте актуален случай, когда лицо, пострадавшее от преступления, формально не признано потерпевшим, но обладает определенным набором прав. Обозначенный подход может быть охарактеризован как *материальный*.

Параллельное использование в законе отмеченных способов, с одной стороны, представляется оправданным решением как с учетом требований законодательной техники, так и исходя из стремления надлежащим образом гарантировать соблюдение прав и свобод всех субъектов уголовно-процессуальной деятельности. С другой — поступательное развитие уголовного судопроизводства (создание новых институтов, влияние международных стандартов, изменение трактовки положений закона и т.д.) приводит к тому, что и формальный, и материальный подходы все чаще сталкиваются со спорными вопросами, разрешить которые

довольно проблематично. Указанные обстоятельства и стали поводом для того, чтобы в рамках настоящей статьи прежде всего обозначить наиболее острые противоречия, возникающие в современных реалиях применительно к обозначенным вариантам регулирования процессуального положения участников, затем проанализировать возможные пути выхода из сложившихся затруднений, если, конечно, такие имеются.

Итак, в случае с формальным подходом встречаются ситуации, когда субъект процессуальной деятельности, наделенный законом автономным статусом, по своему фактическому положению должен обладать либо совсем иным набором прав и обязанностей при производстве по уголовному делу, либо существенно большим. До недавнего времени указанный тезис наглядно демонстрировала неопределенность по вопросу о возможности обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве и уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство, отказаться от дачи показаний при его допросе в рамках основного дела. Иными словами, фактическое положение лица (обвиняемый) не соответствовало его формальному процессуальному статусу по основному уголовному делу (свидетель)⁵.

Недостаток материального подхода заключается в том, что он не в силах спрогнозировать весь спектр ситуаций, возникающих при расследовании и судебном рассмотрении уголовного дела и, соответственно, не может предусмотреть для конкретного лица универсальный объем прав, применимый ко всем случаям. Причем

понятия, как участник процесса, субъект уголовно-процессуальной деятельности, вынеся за скобки их содержания должностных лиц и государственные органы.

⁵ Способ разрешения обозначенной проблемы был разработан Конституционным Судом РФ (см. подробнее: постановление от 20.07.2016 № 17-П), а затем в законе появился новый участник — лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (Федеральный закон от 30.10.2018 № 376-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 45. Ст. 6831). Об указанной ситуации, а также о связанных с ней новеллах УПК РФ см. подробнее: Григорьев В. Н., Зайцев О. А. Новый инструмент правового регулирования статуса участников уголовного производства // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 205–209; Васильев О. Л. Новый участник уголовного процесса или видимость совершенствования Уголовно-процессуального кодекса РФ? // Уголовное судопроизводство. 2019. № 1. С. 37–41.

с обозначенным правовым вакуумом можно столкнуться и при регулировании отдельного уголовно-процессуального института (закон не содержит необходимого для участника право), и при оценке фактической обстановки, сложившейся по уголовному делу (здесь формализованные права не предоставлены в принципе, так как они должны презюмироваться с учетом именно реального (сущностного) положения лица, занимаемого в процессе). В качестве примера, подтверждающего наличие указанных проблем, можно привести отсутствие до 2015 г. срока ограничения права собственности лица, на имущество которого наложен арест и которое не является обвиняемым, подозреваемым или гражданским ответчиком. Соответственно, данный субъект процессуальной деятельности не только сталкивался с нехваткой гарантий обеспечения своих прав, например при приостановлении производства по делу, но и не обладал какими-либо возможностями представить суду свою позицию о необходимости отмены данной меры процессуального принуждения в связи с тем, что закон исходил из бессрочного характера ограничений. Противоречия были разрешены Конституционным Судом РФ, благодаря разъяснениям которого законодатель внес в уголовно-процессуальный кодекс соответствующие изменения⁶. Однако сам факт наличия такой проблемы свидетельствует, с нашей точки зрения, о недостатках материального подхода. Так же как и упомянутая выше ситуация, связанная с невозможностью реализации процессуальных прав потерпевшего лицом, по-

страдавшем от совершения преступления, до принятия официального решения, наделяющего его формальным статусом участника уголовного судопроизводства. Опять же, законодатель пытается предупредить возникновение противоречий и обязывает уполномоченного субъекта незамедлительно принимать процессуальное решение. Однако открытым остается вопрос о возможности использования указанного комплекса прав до вынесения постановления (определения) о признании потерпевшим, в том числе и на стадии возбуждения уголовного дела⁷.

Таковы, на наш взгляд, замечания общего характера, которые следует принимать во внимание относительно формального и материального подходов к регулированию статуса участников уголовного судопроизводства. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что особо остро отмеченные проблемы стоят в случаях, когда в отношении частных лиц осуществляется обвинительная деятельность. Для российского права в данном аспекте характерны следующие примеры. Первый связан с неопределенностью процессуального положения лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. Соответственно, проявляется особенность материального подхода, так как закон не формализует конкретный перечень прав и обязанностей, а презюмирует их наличие, исходя из фактических обстоятельств в каждом конкретном случае. В результате чего гипотетически возможный объем прав, на реализацию которых может рассчитывать частное лицо, остается не до конца ясным⁸. Второй при-

⁶ Ключевыми решениями Конституционного Суда РФ, повлиявшими на реформирование норм, регулирующих наложение ареста на имущество, являются постановления от 31.01.2011 № 1-П, от 21.10.2014 № 25-П, от 10.12.2014 № 31-П. Обозначенные в них правовые позиции были формализованы в УПК РФ посредством принятия Федерального закона от 29.06.2015 № 190-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 3981). О современном состоянии указанной меры процессуального принуждения см. подробнее: *Михеенкова М. А.* Актуальные проблемы уголовно-процессуального ареста имущества // Закон. 2018. № 10. С. 80–87.

⁷ См., например: *Желудков М. А.* Проблемные вопросы защиты прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений // Lex russica. 2019. № 2. С. 81–91.

⁸ Смягчить возникшее противоречие призвана ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ. Однако, во-первых, указанная норма прямо не регулирует статус преследуемого лица, а распространяется на всех участников проверки сообщения о преступлении. Во-вторых, она содержит открытый перечень прав, что фактически не снимает имеющуюся проблему.

мер демонстрирует недостаток формального подхода и вытекает из процессуального статуса свидетеля, который в сущностном плане является обвиняемым — в отношении него фактически осуществляется уголовное преследование. Однако указанный субъект не наделен перечнем прав, предусмотренных для обвиняемого, так как не признан таковым в установленном законом порядке⁹.

Проблемы, связанные со статусом преследуемого лица, характерны не только для отечественного правопорядка, данный контекст актуален и в международном масштабе. Так, Европейский Суд по правам человека неоднократно указывал в своих решениях, что статус обвиняемого необходимо понимать максимально широко — как любое лицо, против которого осуществляется фактическое уголовное преследование, и, соответственно, следует предоставлять такому субъекту соответствующие гарантии¹⁰.

В рамках Организации Объединенных Наций была принята Резолюция «О принципах и руководящих положениях по вопросам предоставления юридической помощи по уголовным делам», которая рекомендует государствам обеспечивать право на доступ к юридической помощи в том числе и лицам, которые вступают в контакт с уголовной юстицией, не имея при этом формального статуса¹¹.

Аналогичное по своей сути регулирование содержится в законодательстве Европейского Союза. В 2016 г. была принята Директива «О гарантиях обеспечения презумпции невиновности и права на доступ к правосудию в рамках уголовного судопроизводства», в соответствии с которой ее положения должны распространяться также на лиц, которые не были официально уведомлены об обвинении или о подозрении¹².

Как видим, проблема надлежащего соблюдения прав и свобод лиц, формально не обладающих статусом обвиняемого, актуальна и на международном уровне. Однако вновь необходимо обратить внимание на то, что это лишь наиболее красноречивый пример, демонстрирующий противоречия, которые могут возникать применительно к двум анализируемым способам регулирования процессуального статуса участника уголовного судопроизводства, как показано выше, встречаются и иные аналогичные случаи.

Рассмотрев достаточное количество проблемных ситуаций, мы приблизились к центральному вопросу настоящей статьи — существуют ли пути выхода из возникших противоречий?

Логичным, как представляется, ответом становится дальнейшая формализация прав и обязанностей участников, которая, на первый взгляд, позволяет преодолеть недостатки

⁹ Необходимо отметить, что в рамках настоящей статьи не стоит задача детально проанализировать конкретные случаи, связанные с неопределенностью процессуального положения лица, в отношении которого осуществляется фактическое уголовное преследование. Они приводятся в качестве наиболее ярких, с нашей точки зрения, примеров, подтверждающих недостатки как формального, так и материального способов регулирования статуса участников уголовного судопроизводства. О детальном рассмотрении отмеченных ситуаций см., например: Григорьев В. Н. Обретение лицом уголовно-процессуального статуса подозреваемого: в чем проблемы? // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 41–46; Максимов О. А. Индивидуальный статус участника уголовного процесса как необходимое условие полноценной уголовно-процессуальной деятельности // Полицейская и следственная деятельность. 2018. № 2. С. 1–8.

¹⁰ Deweer v. Belgium, ECHR 1980, App. No 6903/75; Shabelnik v. Ukraine, ECHR 2009, App. No 16404/03; Aleksandr Zaichenko v. Russia, ECHR 2010, App. No 39660/02.

¹¹ United Nations Principles and Guidelines on Access to Legal Aid in Criminal Justice Systems // Resolution adopted by the General Assembly on the report of the Third Committee (A/67/458). 2013.

¹² Directive of the European Parliament and of the Council on the strengthening of certain aspects of the presumption of innocence and of the right to be present at the trial in criminal proceedings 2016/343/ EU // Official Journal of the European Union. L 65. 11.03.2016. Pp. 1–11.

и материального, и формального подходов. Такие изменения могут носить как точечный характер — предоставление отдельных недостающих процессуальных прав конкретному субъекту, так и заключаться в более существенном реформировании — создание в законе нового участника уголовного судопроизводства. Причем использование кардинального способа разрешения проблем уже известно отечественному уголовно-процессуальному праву на примере автономизации норм, регламентирующих статус подозреваемого¹³. Вместе с тем, принимая решение о внесении в законодательство изменений фундаментального характера, на наш взгляд, необходимо учитывать следующие важные аспекты.

Во-первых, повсеместная формализация прав и обязанностей отдельных субъектов процессуальной деятельности (в особенности создание новых участников) не должна приводить к деформации классических процессуальных статусов. В настоящий момент подобная ситуация складывается относительно фигуры обвиняемого. В некоторых доктринальных работах предлагается упразднить нормы, регламентирующие статус данного участника в досудебных стадиях производства по делу; в отдельных правовых порядках обозначенная идея уже реализована (Украина, Казахстан, Литва, Эстония, Киргизия)¹⁴. В Украине, например, лицо наделяется статусом обвиняемого только в момент направления обвинительного акта в суд. Детальная оценка обозначенных преобразований выходит за рамки настоящей статьи, вместе с тем следует отметить, что в литературе достаточно обоснованно утверждается, что «попытки отказаться от автономии статуса обвиняемого в лучшем случае приводят к простому переименованию прежних институтов, а в худшем — к снижению правовых гарантий»¹⁵.

Во-вторых, решение, предполагающее при возникновении спорной ситуации относительно процессуального положения того или иного участника создание нового отдельного статуса (или дополнение закона конкретными положениями), априори не позволит предвосхитить всё многообразие случаев, с которыми можно столкнуться в практической деятельности в долгосрочной перспективе. По прошествии некоторого времени после закрепления определенного объема прав и обязанностей появятся ситуации, которые не будут удовлетворять установленным рамкам (разработан какой-либо институт, приняты во внимание рекомендации международных организаций и т.д.), что, со всей очевидностью, приведет к необходимости дальнейшей формализации, которая снова снимет остроту противоречий лишь на определенный период.

Таким образом, отмеченное приводит нас к выводу о том, что при выборе способа регулирования процессуального статуса участников уголовного судопроизводства необходим баланс. С одной стороны, он не должен позволять в каждом случае отсутствия того или иного установленного в законе права штамповать новые процессуальные статусы, которые в долгосрочной перспективе не смогут преодолеть все возникающие проблемы. Иными словами, необходимо подходить к положению участника с материальной (сущностной) точки зрения. С другой — он должен позволить надлежащим образом контролировать критическую массу спорных случаев, накопление которых будет однозначно свидетельствовать о необходимости реформирования процессуального законодательства. Вопрос о факторах, влияющих на успешное установление отмеченного баланса, пожалуй, требует отдельного исследования, здесь же заметим, что важнейшую роль среди них играет правоприменение.

¹³ О становлении института подозреваемого см. подробнее: Зайцев О. А., Смирнов П. А. Подозреваемый в уголовном процессе. М., 2005. С. 7–27.

¹⁴ Коновалов С. Г. Элементы германской модели досудебного производства в уголовном процессе постсоветских государств : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 158–172.

¹⁵ Коновалов С. Г. Указ. соч. С. 172.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. — Воронеж, 1980. — 251 с.
2. Васильев О. Л. Новый участник уголовного процесса или видимость совершенствования Уголовно-процессуального кодекса РФ? // Уголовное судопроизводство. — 2019. — № 1. — С. 37–41.
3. Григорьев В. Н., Зайцев О. А. Новый инструмент правового регулирования статуса участников уголовного производства // Вестник Томского государственного университета. — 2016. — № 413. — С. 205–209.
4. Григорьев В. Н. Обретение лицом уголовно-процессуального статуса подозреваемого: в чем проблемы? // Вестник Московского университета МВД России. — 2016. — № 4. — С. 41–46.
5. Желудков М. А. Проблемные вопросы защиты прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений // Lex russica. — 2019. — № 2. — С. 81–91.
6. Зайцев О. А., Смирнов П. А. Подозреваемый в уголовном процессе. — М., 2005. — 320 с.
7. Кокорев Л. Д. Участники правосудия по уголовным делам. — Воронеж, 1971. — 160 с.
8. Коновалов С. Г. Элементы германской модели досудебного производства в уголовном процессе постсоветских государств : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2018. — 220 с.
9. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. — М., 2016. — 1278 с.
10. Максимов О. А. Индивидуальный статус участника уголовного процесса как необходимое условие полноценной уголовно-процессуальной деятельности // Полицейская и следственная деятельность. — 2018. — № 2. — С. 1–8.
11. Михеенкова М. А. Актуальные проблемы уголовно-процессуального ареста имущества // Закон. — 2018. — № 10. — С. 80–87.

Материал поступил в редакцию 12 декабря 2019 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev N. S., Daev V. G., Kokorev L. D. Ocherk razvitiya nauki sovetskogo ugodovno processa. — Voronezh, 1980. — 251 s.
2. Vasil'ev O. L. Novyj uchastnik ugodovno processa ili vidimost' sovershenstvovaniya Ugodovno-processual'nogo kodeksa RF? // Ugodovnoe sudoproizvodstvo. — 2019. — № 1. — S. 37–41.
3. Grigor'ev V. N., Zajcev O. A. Novyj instrument pravovogo regulirovaniya statusa uchastnikov ugodovno processa // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2016. — № 413. — S. 205–209.
4. Grigor'ev V. N. Obretenie licom ugodovno-processual'nogo statusa podozrevaemogo: v chem problemy? // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2016. — № 4. — S. 41–46.
5. Zheludkov M. A. Problemnye voprosy zashchity prav i zakonnyh interesov lic, postradavshih ot prestuplenij // Lex russica. — 2019. — № 2. — S. 81–91.
6. Zajcev O. A., Smirnov P. A. Podozrevaemyj v ugodovnom processe. — M., 2005. — 320 s.
7. Kokorev L. D. Uchastniki pravosudiya po ugodovnym delam. — Voronezh, 1971. — 160 s.
8. Konovalov S. G. Elementy germanskoy modeli dosudebnogo proizvodstva v ugodovnom processe postsovetskikh gosudarstv : dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2018. — 220 s.
9. Kurs ugodovno processa / pod red. L. V. Golovko. — M., 2016. — 1278 s.
10. Maksimov O. A. Individual'nyj status uchastnika ugodovno processa kak neobhodimoe uslovie polnocennoj ugodovno-processual'noj deyatel'nosti // Policejskaya i sledstvennaya deyatel'nost'. — 2018. — № 2. — S. 1–8.
11. Miheenkova M. A. Aktual'nye problemy ugodovno-processual'nogo aresta imushchestva // Zakon. — 2018. — № 10. — S. 80–87.